

Жарко С. Б. Хронист Фома из Сплита о вторжении монголов на Русь и в Венгрию. С. Б. Жарко // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 4 / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. — Минск: БГУ, 2009. — С. 173-177

С. Б. Жарко

## ХРОНИСТ ФОМА ИЗ СПЛИТА О ВТОРЖЕНИИ МОНГОЛОВ НА РУСЬ И В ВЕНГРИЮ

Рассказ архидьякона Фомы из города Сплита о монгольском нашествии на территорию славянских земель и Венгерское королевство является одним из основных источников по истории этих событий. Осведомленность автора об обстоятельствах вторжения войск хана Батыя вполне объяснима, так как он являлся современником событий, которые подробно описал в главе под названием «О татарской напасти» своей хроники «История архиепископов Салоны и Сплита». Следует особо подчеркнуть, что в этой главе, помимо стержневого сюжета (покорения захватчиками Венгерского королевства), автор рассматривает также проблему завоевания монголами Владимиро-Суздальского княжества. В частности, Фома относит массовое распространение в Сплите слухов о монгольских набегах на Русь уже к 1239 г.: «тогда же, в 1239 г., произошло удивительное и странное затмение солнца... Ведь в те дни уже долетела до слуха каждого горестная молва о том, что нечестивый народ татар вторгся в пределы христиан, в земли Рутении» [1, с. 114]. Анализируя это сообщение, следует обратить внимание, что разорение монголами земель Руси у автора подается не только с указанием на совпадение по времени с космическим явлением, но и как бы сравнивается с ним.

**Фома о нашествии хана Батыя.** Описывая завоевательную политику монголов в землях Руси, ученый архидьякон отмечает, что было два похода, между которыми прошло двадцать и более лет. Так, о первом походе в хронике записано: «Они прошли от восточных границ до границ рутенов, они не смогли продвинуться дальше, но были отогнаны рутенами» [1, с. 108]. После этого, как гласит текст хроники, они свернули в сторону и «с боями прошли по всем северным землям и остались там на двадцать лет, если не дольше» [1, с. 109]. Очевидно, что под первым походом монголов «к рутенам» Фома имел в виду битву на р. Калке в 1223 г., начало которой складывалось удачно для славянских войск, потому что в плен был захвачен монгольский военачальник Гемябек. Такой успех, очевидно, воодушевил славянских князей, и они стали активно преследовать отступавшие монгольские отряды. Это обстоятельство, по всей вероятности, и послужило причиной для утверждения Фомы о том, что «завоеватели были далеко отогнаны рутенами». Можно также предположить, что в этом сообщении архидьякон имел в виду реалии сражения, которое состоялось за несколько дней до битвы на р. Калка, а именно процесс преследования князьями (Мстиславом Киевским, Святославом Черниговским) монголов, когда последние подобным образом заманивали противника все дальше в степь. И наконец на девятый день преследования монгольские отряды и славянское войско встретились на р. Калке, где последние потерпели поражение.

После этой битвы, как следует из текста источника, монголы прошли по всем «северным землям»: они повернули на восток и попытались захватить Волжскую Булгарию. Тем не менее, предпринятое нападение окончилось неудачей, однако в течение двадцати лет, ука-

**Жарко Сергей Борисович** — доцент кафедры истории России Белорусского государственного уни-верситета, кандидат исторических наук

занных в тексте хроники, монголы подчинили Кавказ, Китай, Среднюю Азию. После столь стремительных побед степняки снова повернули к землям Руси. В хронике по этому поводу записано: «а потом, пополнив свои воинские соединения прежде всего за счет племен куманов и многих других покоренных ими народов, они снова повернули против рутенов» [1, с. 109]. Анализируя это сообщение Фомы, следует подчеркнуть, что его сведения о пополнении войск монголов за счет покоренных половцев (куманов) вызывают определенные сомнения. Известно, что последние оказали упорное сопротивление Субедею и Батыю в 20—30-е гг. XIII в. и подверглись жестокому истреблению. Более того, во время монгольского нашествия погибли половецкие ханы Даниил Кобякович и Юрий Кончакович, а хан Котян и его приближенные бежали в Венгрию, где были приняты на службу королем венгров Белой IV.

Пополнив свои войска, монголы, по словам хрониста, вновь «повернули» к славянским княжествам. Так, он пишет: «сначала они окружили и осадили очень большой город христиан по имени Суздаль и после долгой осады не столько силой, сколько коварством взяли его и разрушили, а самого короля по имени Георгий они предали смерти вместе с огромным множеством его народа» [1, с. 110]. Как видно, Фома описывает завоевание монголами Владимиро-Суздальского княжества. Но из славянских летописей известно, что монголы вначале подступили к городу Владимиру, а затем повернули к Суздалью и разрушили его. И только несколько дней спустя был сожжен Владимир-Суздальский. Сообщение архидьякона, таким образом, относится к городу Владимиру. Интересна еще одна деталь, которая указывает, что этот город был разрушен не столько силой, сколько «коварством». Подтверждение находим в Лаврентьевской летописи — монголы подожгли Успенскую церковь в г. Владимире, в которой находилась великокняжеская семья. Сама церковь не загорелась, но собравшиеся там люди задохнулись от дыма. В оценке этих событий принципиальное значение имеет использование архидьяконом названия «Суздаль», в то время как в Европе больше знали Русь Галицко-Волынскую и Русь Киевскую. Появление же владимирских реалий там, где речь идет о Руси вообще, может свидетельствовать о том, что сведения Фомы о завоевании монголами в Восточной Европе восходят, возможно, через венгерское посредство, к информации, идущей из самой Северо-Восточной Руси. Сведения подобного характера архидьякон мог получить от славянских беженцев и перебежчиков, которые появились в Венгерском королевстве после захвата монголами основных городов славянских княжеств.

Автор затем дает описание завоевания монголами непосредственно территории Венгерского королевства, не раз утверждая, что об угрозе в стране и при королевском дворе было неизвестно: «Когда весть о пагубном нашествии татарского народа дошла до венгров, она была принята ими за шутку то ли оттого, что такие разговоры они часто слышали беспричинно, то ли оттого, что полагались на силу войска своего королевства» [1, с. 109, 116]. Вряд ли венгерский король Бела IV не знал о подобной угрозе, поскольку еще в 1237 г. доминиканский монах Юлиан, посланный в Монгольскую империю, отмечал, что «татары днем и ночью совещаются, как бы захватить королевство венгров-христиан. Ибо у них, говорят, есть намерение идти на завоевание Рима и дальнейшего» [2, с. 78]. Но, со слов Фомы, к этому времени король венгерский не помышлял об укреплении границ своей страны. Однако несомненно, что король Бела IV был осведомлен о намерении монголов захватить Венгрию: как из писем доминиканского монаха Юлиана, так и из посланий венгерских епископов. Из письма некоего венгерского епископа парижскому епископу, датированного 1239 г., следует, что монголы «пришли к самой границе Венгрии за 5 дневных переходов» [1, с. 194].

Можно усматривать в подобной интерпретации ситуации явную антивенгерскую направленность рассказа Фомы. Она предопределила отсутствие в тексте хроники указания на ряд важных факторов, которые были причинами поражения венгров. Так, хронист пишет, что венгры всецело полагались на силу войска своего королевства.

Однако известно, что к моменту монгольского нашествия в Венгрии чрезвычайно обострились противоречия между

королевской властью и феодалами, как правило, немцами по происхождению. Король Бела IV, еще будучи младшим королем, в начале 20-х гг. XIII в. начал восстановление прежних границ королевского домена за счет конфискации земель немецких баронов. Результатом двадцатилетней политики ущемления интересов венгерских и немецких феодалов явилось их открытое недовольство королем. Следствием проводимой политики было резкое сокращение военных сил страны, и, как пишет в своей хронике «Горестная песнь о разорении Венгрии» венгерский каноник Рогерий, король не имел в своем распоряжении достаточно опытных вооруженных воинов. Ситуация усугубилась еще и тем, что половцы (куманы) во главе с ханом Котьяном, которые были приняты королем на поселение в Венгрию, вскоре оказались на территории Болгарии. Это переселение объясняется тем, что немецкие и венгерские бароны преднамеренно убили половецкого вождя, обвинив его в сговоре с монголами.

Вот почему накануне монгольского вторжения половецкое войско, призванное Белой IV защитить границы Венгерского королевства, двинулось через Дунай и ушло в Болгарию. Таким образом, половцы не только не сыграли отведенной им роли в защите от монголов, но и создали дополнительные трудности в обороне Венгрии. Однако о существовании таких раздоров в хронике Фомы замалчивается. С целью представить поражение венгров еще более сокрушительным, чем было на самом деле, автор убеждает читателя в том, что монголам противостояла сильная венгерская армия. В частности, архидьякон пишет, что непосредственно перед нашествием Бела IV собрал «всех князей, всех баронов, всех вельмож своего королевства», где «часть венгров по глупому легкомыслию беспечно говорили: "При виде нашей многочисленной армии они тут же разбегутся и обратятся в бегство"» [1, с. 112]. Это сообщение он дополняет еще и описанием реакции венгров о приближающейся угрозе: «Да и расслабились они от долгого мира, отвыкли от тяжести оружия, они заостенели в бездействии и лени; и ежедневно они предавались не серьезным делам, а пустякам» [1, с. 112]. Стоит обратить внимание на то, что Фома в этих местах хроники, как и далее, употребляя термин «венгры», по всей вероятности, имел в виду определенную социальную категорию, а именно: короля, венгерских и немецких баронов, духовенство. То есть тех, кто в силу своего положения оказывал значительное влияние на события в его родном городе Сплите.

Антивенгерская направленность рассказа видна и в описании автором подготовительных мероприятий Бела IV по укреплению королевства. Непосредственно в тексте хроники записано: «И наконец-то король выступил к границам своего королевства, дошел до гор, которые располагаются между Рутенией и Венгрией» [1, с. 114]. Очевидно, Фома имел в виду Верецкий перевал (Русские ворота) в Карпатах. От перевала, по словам хрониста, король «объехал и осмотрел все ненадежные подступы к стране и распорядился устроить длинные заграждения, вырубив мощные леса и завалив срубленными деревьями все места, которые казались легко проходимыми» [1, с. 114]. «А по возвращении король,— продолжается рассказ,— распорядился собрать всех князей, всех баронов и вельмож своего королевства. Прибыл и его брат король Кломан, архиепископы Матвей Эстергомский и Хугрин Колочский, и все лучшие силы венгерского войска он сосредоточил в одном месте» [1, с. 116]. Таким образом, к городу Эстергому (столице Венгрии) стекались все военные силы из различных областей королевства. Однако, как видно, решающую роль в формировании венгерского войска автор отвел епископам, которые пришли с «великим множеством прелатов и монахов».

Далее в хронике представлено описание вторжения монголов в пределы Венгерского королевства. Принципиальное значение имеет тот факт, что завоевание Венгрии шло с трех сторон: правое крыло под командованием Байдара проходило к Венгрии через Польшу, центр под командованием Батыея — через Галицко-Волынское княжество, а левое крыло во главе с Каданом — через Трансильванию. Таким образом, по пути они разорили польские и моравские города и трансильванские немецкие поселения. Возможно, умалчивание Фомой данного факта можно расценить как преднамеренное, имеющее целью создавать впечатление о

Венгрии как о единственном государстве данного региона, пострадавшем от монгольского нашествия. Архидьякон отмечает: «...прямо перед Пасхой великое множество татарского войска вторглось в королевство Венгрия. У них было сорок тысяч воинов, вооруженных секирами, когда же они встретились с первыми жителями страны, то поначалу не выказывали свирепой жестокости и, разъезжая по деревням, забирали добычу» [1, с. 163]. В этом сообщении Фома, очевидно, описал ситуацию накануне осады монголами городов Кевешд и Эгер, которые приняли удар монгольских войск «братьев» Батыея и Кадана первыми. Очевидно, что в этом сообщении архидьякона степень родства монгольских предводителей указана не точно, так как Кадан являлся братом Чингисхана, а Батый — его внуком.

**Фома о военной тактике монгольского войска.** Хронист пишет следующее: «Они выслали вперед конный отряд, который, приблизившись к лагерю венгров и дразня их частыми вылазками, подстрекая к бою, желал испытать, хватит ли у венгров духа драться с ними. Что же касается венгерского короля, то он отдает приказ отборным воинам выйти им навстречу» [1, с. 192]. Вероятно, венгры приняли этот монгольский отряд под началом Кадана за главные силы и дали бой, обратив монголов в бегство. «Тогда король, — пишет хронист, — со всем своим войском, почти по пятам преследуя бегущих, будто бы вражеские полчища уже изгнаны из страны, они дошли до другой реки, которая называется Соло» [1, с. 197]. И так, войска сошлись в долине реки Шайо в начале апреля 1241 г. Венграми в этом сражении была избрана оборонительная тактика, которая состояла в том, что армия стала лагерем, который был обнесен по периметру рядами сцепленных между собой телег, и это укрепление на некоторое время могло воспрепятствовать атакам монгольской конницы. Фома о лагере венгров пишет следующее: «Король распорядился поставить палатки не далеко друг от друга, а как можно тесней. Расставив таким образом повозки и щиты, все они разместились словно в очень тесном загоне, как бы прикрывая себя со всех сторон повозками и щитами» [1, с. 198].

Первое нападение монголов было отбито. Как пишет Фома, «один перебежчик из рутенов перешел на сторону короля и известил его об опасности» [1, с. 194]. Далее описывается сражение у моста, где решающую роль автор отвел хорватскому герцогу Коломану и колоческому епископу Уголино, которым удалось потеснить монголов. Из текста следует: «Хугрин с такой отвагой устремился в самую гущу врагов, что те с громкими криками бежали, как от ударов молнии» [1, с. 201]. Однако во второй половине дня монгольские отряды «словно в хороводе», окружили весь лагерь венгров. Противник стал со всех сторон пускать стрелы, а потом поджег лагерь по кругу. Монголам удалось взять верх и загнать венгров в их лагерь, где они, «оглушенные столь великим несчастьем, метались по кругу, как овцы в загоне, ищущие спасение от волчьих зубов» [1, с. 202]. Тогда «татары, видя, что войско венгров обратилось в бегство, как бы открыли им проход и позволили выйти» [1, с. 203]. Венгерские воины устремились по нему, надеясь спастись бегством. Но это мало кому удалось, поскольку «татары следовали за ними с обеих

сторон, не давая сворачивать ни туда, ни сюда» [1, с. 205], а остатки венгерского войска были прижаты к болоту, и почти все утонули или погибли.

После битвы на реке Шайо организованное сопротивление венгров прекратилось и монголы рассыпались по стране, захватывая города и села и истребляя людей. Были захвачены и сожжены Пешт, Варадин, Егер и другие города. Так, рассказывая об уничтожении населения города Пешта, Фома отмечает: «они, вышедшие из селения, подожгли его со всех сторон, и тотчас на виду у врагов его поглотило ненасытное пламя» [1, с. 209]. Подобная же участь постигла и остальные города. Как следует со слов Фомы, «монголы сожгли также Темешвар, Сегед и даже истребили священников местных церквей, поскольку враги, «лишенные милосердия и человеколюбия, презирали религиозное послушание» [1, с. 210]. Таким образом, весь год монголы разоряли Венгерское королевство, не переходя через Дунай. А для устрашения тех, кто обитал на другой стороне Дуная, «они сложили на берегу реки многие кучи из несметного количества собранных тел» [1, с. 210]. В этом месте хроники Фома сообщает и о короле Беле IV

который, «едва избежав гибели, с немногими людьми ушел в Австрию» [1, с. 214]. Из хроники венгерского каноника Рогерия известно, что австрийский герцог Фридрих Бабенберг вынудил бежавшего к нему короля выплатить от 7 до 10 тыс. марок, а сам занял три западных венгерских области (Шопронь, Мошонь, Пожонь) и фактически начал войну против венгров. Возможно, эти обстоятельства вынудили Бела IV задержаться у Загреба. Уже зимой 1242 г. монголы перешли через реку Дунай и обрушились на ту часть Венгрии, которую еще не успели захватить. На своем пути они разрушили Буду и подошли к хорошо укрепленному Эстергому — столице королевства. Так, Фома пишет: «Осаждая город в течение нескольких дней, он (Кадан) постоянно штурмовал его, чтобы завладеть им». Но в итоге «добычи же ему досталось немного, так как венгры все свое имущество свезли в горное укрепление» [1, с. 218]. Таким образом, захватив и опустошив Венгрию, монголы стали готовиться к продолжению похода. Отряд хана Кадана (он, по сообщению Фомы, осаждал Эстер-гом) был направлен Батыем для преследования короля Бела IV. Последний, как сообщает хронист, «задержался в Трогире, полагая, что там, благодаря близости островов, он получит защиту, и нашел пристанище на близлежащем острове» [1, с. 221]. Как видно из этого сообщения, монголы направились в сторону Адриатического моря, Словении и Хорватии. Но захватить в плен Бела IV Кадану не удалось, так как король, «сев на одно судно, поплыл на веслах, осматривая вражеские порядки и выжидая исхода событий» [1, с. 222].

Непосредственно же на территории Хорватии монголы разорили только город Загреб, а город Сплит, «хорошо укрепленный природой», остался недоступным. По сообщению хрониста, оставаясь почти весь март 1242 г. в пределах Хорватии и Далмации, татары пять или шесть раз спускались к городам, а затем возвращались в свой лагерь. Как видно из хроники, в Далмации и Хорватии военные действия монголов имели переменный успех, так как ими были захвачены только некоторые города, а их основная цель — захват венгерского короля, так и не была достигнута. В том же 1242 г. монгольское войско вернулось на территорию Монгольской империи. Бела IV, как сообщает хронист, когда «определенно узнал, что нечестивый народ уже покинул королевство, немедленно отправился в Венгрию» [1, с. 231].

Подводя итог, отметим, что Фома Сплитский рассматривает нашествие монголов на Русь в контексте информации о завоевании ими территории Венгерского королевства, а в освещении им непосредственно событий завоевания монголами Венгрии видна антивенгерская направленность, которая во многом и предопределила позицию архидьякона.

## ЛИТЕРАТУРА

1. *Фома Сплитский*. История архиепископов Салоны и Сплита / Фома Сплитский. М.: Индрик, 1997. 319 с.
2. *Аннинский, С. А.* Известия венгерских миссионеров XIII века о татарах Восточной Европе / С. А. Аннинский // Исторический архив. Т. 3. М.; Л., 1940. 426 с.
3. *Ледерер, Э.* Венгерско-русские отношения и татаро-монгольское нашествие / Э. Ледерер // Международные связи России до XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 181—202.

## SUMMARY

By the chronicle the war actions of Mongols had variable success in Dalmatia and Croatia because only several towns had been captured by them. Their main goal was taking the king of Hungary prisoner. But it had not been achieved. The chronicle informs that when Bella the fourth had definitely found out the fact of leaving the kingdom by the evil people, he immediately went to Hungary. Let's sum up all the things that have been cleared earlier. Firstly, Foma from Split considered invasion of Mongols to Russia in context of information about the conquest of the territory of Hungarian kingdom by them. Secondly, Foma's antihungarian focus was brought about into his position in the coverage of events of Hungary conquest.